

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО ВАШИНГТОНА ИРВИНГА

Расулова Сохиба Улугбековна

преподаватель, СамГИИЯ

Широкова Надежда Павловна

К.ф.н., доцент директор

Лингвистического института, Россия

В этой статье рассматриваются принципы формирования и развития американского романа девятнадцатого века и иллюстрируются работы известного американского писателя ранней эпохи американского романа Вашингтона Ирвинга. Это потому, что Уильям Ирвинг внес в американскую прозу романтический роман, главная тема которого в его романах - сатира и юмористика, что делает романы автора критическим взглядом на различные аспекты американской жизни. В статье проанализированы первые новеллы писателя «Рип Ван Винк» и «Легенда о Сонной лощине» и другие романы.

Ключевые слова: романтика, критический реализм, новелла, сатира, юмор, новый мир, фантастика, кельтская легенда, эпос, Иран.

Abstract: This article is discussed the principles of the formation and development of an American novel in nineteenth-century American literature and illustrates the work of the famous American writer of the early era of the American novel, Washington Irving. This is because William Irving introduced a romantic novel into American prose, the main theme of which in his novels is satire and humor, which makes the author's novels a critical look at various aspects of American life. The article analyzes the first novels of the writer "Rip Van Wink" and "The legend of sleepy Hollow" and other novels.

Key words: romance, critical realism, novella, satire, humor, new world, fiction, Celtic legend, epic, Iran.

Вашингтон Ирвинг-оргинальный и талантливый романтик-стоит у истока в американский национальной литературы как новеллист –юморист, создатель герой-комический и сатирической хроники, очеркист, автор книг путешествий, тонкий стилист, великолепный пейзажист.

С него начинается заокеанская новелла, жанр, занявший в истории национальной литературы столь же важное место, как и роман; этот жанр будут развивать романтики,

реалисты, натуралисты XIX века, писатели XX столетия-вплоть до наших дней.

Создавая свой первый и прословенный рассказ «Рип Ван Винкль» («Rip Van Vinkles», 1819), Ирвинг стретился, по его собственному признанию, к тому, чтобы придать национальной литературе романтический колорит, который в ней еще не утвердился. Каатскильские горы отроги Аппалачей. Их величавый сказочный абрис-первое, что вводит читателя в атмосферу сугубо американской и в тоже время волшебной сказки. В горах водятся гномы- существа традиционные для европейского романтизма, но у иронического американца они предстают в локальном колорите-на них камзолы с галунатами, шорокий пояс и кортик, треуголка с перьями, красные чулки и башмаки с пряжками; они точно сошли со старинной фламандской картины вывезенной из Голландии в Новый свет первыми переселенцами. Вместо волшебного напитка гномы, как заправские скваттеры, осушают бочонок голландской водки, с азартом играют в кегли, оставаясь при этом существами фантастического мира. Ирвинг-первый американский романтик –начинает свое творчество с введения в него и одновременно пародирования атрибутов европейского романтизма. Это становится характерной чертой его новелистики.

Читателю кажется, будто Ирвинг мочен в описании места действия, недаром его младший современник Герман Мелвилл восклицал :” Рип, а где жил Рап ван Винкль?!”

С очетание фантастического начала с реалистическим, мягкие переходы повседневного в волшебное-не пременная черта романтической манеры Ирвингановеллиста. Мотив волшебного сна, использованный в рассказы «Рип Ван Винкль», очень старый. Он известен еще в античной литературе,¹ широко популярен в немецких народных сказаниях о Фридрихе Барбоссе,² встречается в пельтском епоси,³ в рыцар стих романах, в народных сказах Индии, Греции и других стран. Почти всегда он имеет трагическую окраску, пробумдаясь, человек и гибнет непонятый и одинокий. У Ирвинга в его рассказе нет и тени драматизма. Повествование ведется в мягко-иронических и нарочито «приземленных» тонах. Рип-«простой, добродушный», «покорный забитый супруг»-является перед читателем бредущем по деревянской улице, окруженный ватагой влюбленных в него мальчишек. Ленивый, беспечный с приятелями в кабачке пересудами политических событий полугадовой давности, он знает лишь одну страсть-бродить в горах с ружьем за плечами. Какой эффект получаеш автор, погрузив такого героя в волшебный сон на двадцать лет? Комический Рип видишь, проснувшись, как изменились природа: малый ручей превратился в бурный

поток, разросся и стал непроходимым лес; изменился облик деревни, изменились люди («вместе былой невозмутимости и сонного спокойствия во всем проступала деловитость, напористость и суштливість»). Не изменился лишь сам Рип, ему и волшебный сон нипочем, - все такой же ленивец, любитель поболтать и посудачить. Чтобы подчеркнуть юмористическую неизменность его никчемной природы, автор дает в лице сына Рипа точную копию отца-ленивца и оборванца. Можешотчрететь война за независимость, бытсвергнутит его английской тирании, укрепиться новый политической строй, бывшая колония можеш превратиться в республику, - лишь беспутный ленецеостаешся все тетже. Юный Рип, как и его старый отец, «занимается всем, чем угодно, только не собственным далом».

И все же читатель чувствует, что не Рип Ван Викль-оъект авторской иронии. Он скорее щит, которым Ирвинг заслоняется от напора «деловитых», «существых» и жадных сограждан. Недаром он утвердал в кругу друзей, что жадность заразительна, как холера, и издевался над всеобщим американским безумьем-желаннем внезапную разбогатеть. «Иметь деньги для меня значит чувствовать себя преступником», - говорил он.

Антибуржуазность раннего Ирвинга-романтика сказывалась в том, что он создавал в своих произведениях особый мир, непохожий на окружающую его действительность. Вот как пишет Лонгфелло о первом сборник новелл Ирвинга-о «Книге эскизов» («The sketch book»): «Я был еще школьником, когда книга была опубликован и прочтено многими свои возрастающим по мере чтения удивлением и удавольстватой тонкой нежной атмосферой повествования; даже серо-коричневая обложка, мягкие очертания заголовков и прекрасный четкий шрифт этого издания оказались выразительным символом стиля автора»⁴

В «Легенда о Сонной лоцине» Ирвинг рисует безметежный мирный уголок между высокох холмов; по дни лоцины скользит ручеек «баюкающий и навевающий дрему». Ирвинг – превосходный пейзажист сюжеты его рассказав всегда органически слиты с окружающем ландшафтом могучий воды Гудзона цепи краснейших холмов, горизонт, горящим богрянцем, свинцовые и пурпурные тона скал и утёсов высокого берега и маленькое суднешко на неподвижной воде составная часть картины сельского голландского праздника, где горы лишь представляю соблазнительные зрелища описание дома ван Тассилей- целый панигирикдомовидности уюту изобилию и деревенскому трудолюбию тон Ирвинга- смесь восхищения «патриархальной старины»

и мягкой иронии. Обитатели сонной лощины- потомки первых голландских поселенцев. Их головы набиты чертовщиной и выведённый из Европы разросшейся за счёт индейских сказок и преданий. Это фон для развития сюжета рассказа, последующие события как бы вырастают из этого фона. Легенда о Всаднике без головы одна из суеверных историй этого края проделка Брома Бомса над соперником в любви, школьным учителем Икабодом Крейдом, родила новую легенду ,ужасный всадник якобы швыряет в Крейна свою голову таинственно исчезнувший учитель унесён призраком, его дух поселился в школьном здании. Вложив в уста деревенских кумушек новую легенду и не забыв сообщить читателю, что на месте поединка Крейна со всадником на утро нашли разбитую тыкву. Ирвин тем самым придаёт новеллу законченную кольцевое построение: начал рассказ рассуждением о том, что сонная лощина на любого человека навеивает грёзы – окончил создателем иронической легенды – пародии.

Но не только над суеверным сограждан смеётся здесь Ирвин. Легенды, поверья, фантастические истории нашли для него и поэтическое очарование: ими он охотно украшал свои рассказы хотя заставлял духов и приведений играть в них комические роли.

Образу Инабоды Крейна автор уделяет особое внимание. Сначала кажется что это громестная фигура необходима для усиления эронии при созданом легенде- пародии : учитель не только верит любому устному рассказу о потусторонних силах, он ещё начитан в “В истории колдовства” и прочих учёных книгах. Но дальше становится очевидно, что автор неспроста наделал Крейна от малкивающих чертами. В нём всё карикатурно преувеличено: нескладная тощая фигура (автор сравнивает его с пугалом, сбежавшим с кукурузного поля), гнусавая манера петь исалмы, жадность вечно голодного приживала. Не случайно Ирвин изгоняет его из своего рая – из иделлической Сонной лощины. Метофарическая фраза “ Чтоб его чёрт побрал!” в сюжете рассказа получает как бы материальное воплощение: обитатели Сонной лощины уверены, что Крейн – находка для дьявола.

Та же самая метафора и в точно таком же трагикомическом воплощении появляется в новелле “Дьявол” “Том Уокер” (из цикла “Рассказы путешественника” “Talles of the traveler”). Это американское фаустиана, только с пародийной окраской. Как и всегда у Ирвинга фантастика и повседневная сплетаются, свободно и непосредственно входя одно в другое. В то, что фантастическое – часть реального, твёрдо верят американцы той поры. Тощий и жадный Том Уокер какой же алчный как Икабод Крейн

несколько раз встречается и долго торгуется с дьяволом прежде чем заключить с ним договор. Для суеверного Тома чёрт такая же реальность, как и очередное потосовка со сварливой с скупой женой из-за куриного яйца. Американский Фауст – тоже вполне реальный образ скряги – поставщика из Бостона. Том Уокер разоряет своих должников, играет на бирже, наживается на спекулятивной лихорадке, предъявляет закладные ко взысканию и ханжество усердно читает библию, посещает церковь. Религия – ширма для ростовщических дел. Это беспощадно раскрыл Ирвин, указав на ханжество, как на типичнейшую черту американского бизнесменства.

Чёрт уносит Тома Уокера с соблюденным всех традиций своего адского ремесла: в грозу и в бурю, на вороном коне, навстречу молниям. В эту колдовскую картину врываются иронические детали лукового автора: надменного ростовщика чёрт непочтительно перекинул поперёк седла, белый ночной колпак Тома болтается на стороны в сторону, ветер треплет его утренний халат. А в сундуках ростовщика вместо векселей, закладных и золота нашли лишь пепел, щепки и стружки.

Тема стяжательства и неуятной жажды обогащения многократно возникает в новеллах Ирвинга и каждый раз подаётся в иронической и сатирической интерперетации. В стране деловитности и суеверий даже призрак предка оказывается практичным и дальновидным (“ДольфХейлигер”) одна мысль о богатстве может поднять умирающего со смертного ложа “ВольфертВеббер, или золотые сны”. В рассказах Ирвинга мертвецы и духи стеруют бесчисленные илады, не желая их отдать в руки живых; старый морской пират и после смерти не расстаётся с награбленным и верхом на своём сундуке несётся в бурном потоке сквозь вполне реальные “Ворота Дьявола” чтобы в шести милях от Монхеттена.

Нужно представить одержимость тогдашнего американского читателя, приходившего в восторг от логических, чёрных европейских романов, местом действия которых были средневековые замки, руины, кладбищ где являлись выходцы из могил, чтобы понять и оценить иронию Ирвинга в “Женихе – призраке”, “В необыкновенных рассказах нервного джентельмена” и других новеллах.

ПРИМЕЧАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

- 1) The complete works of Washington Irvin
- 2) Сюжет таков: спасаясь от полуденного зноя, пастух Епименидес заснул в пещере про проспал 57 лет

- 3) Они повествуют о том что Фридрих Барбаросса заснул в горе Кифгайзере, проснётся лишь тогда когда народ будет нуждаться в нём (см: “Зимняя сказка” Г. Гейне).
- 4) Мотив волшебного течения времени в границах жизни одного человека встречается в ирландских сагах. Там же рассказывается о путешествиях в страну Фей.(см : “ Плавание Брана”), где путешественники провели 300 лет.
- 5) Irvingiana. A memorial of Washington Irvin. N. Y. 1860
- 6) Доставшись по наследству писателям реалистам, это тема возникает в одном из лучших сатирических рассказов Марка Твена – “Письмо ангела – хранителя”.
- 7) Brooks V. W. The world of Washington Irving n. N. Y.,1950.

